

Воспоминания о моем тесте, Г.Я.Дервянко

*Из книги М.Б.Дервянко «Память сердца»,
Воронеж, 2009*

Воспоминания о Г.Я.Дервянко

Григорий Яковлевич Дервянко

Содержание

М.Дервянко. Вспоминая нашу жизнь

С.Стернина. Папа в моей жизни

А.Дервянко. О моем отце

И.Стернин. Мой тесть

М.Стернина. «Как учили в школе»

Основные поэтические сборники Г.Я.Дервянко

Публикации о жизни и творчестве Г.Я.Дервянко

*Не могут люди вечно быть живыми,
Но счастлив тот, чье будут помнить имя.
Алишер Навои,
узбекский поэт и мыслитель XV века*

Вспоминая нашу жизнь

Эта небольшая книга посвящается памяти о моем муже, Григории Яковлевиче Деревянко, которому 8 января 2010 года исполнилось бы 90 лет.

Все меньше и меньше остается в живых ветеранов второй мировой войны. 22 мая 2006 года не стало и моего мужа, и все чаще и чаще воспоминания будоражат меня, не дают покоя, заставляют заново пережить всю мою и нашу с ним совместную жизнь.

Деревянко Григорий Яковлевич, ветеран и инвалид Великой отечественной войны с Германией (1941-45 г.г.) и с Японией (с 9 августа по 2 сентября 1945 года), родился 8 января 1920 года.

Он прошёл суровую жизненную школу. До призыва в армию Григорий окончил Ташкентский центральный аэроклуб, затем Вольское авиационное училище и в составе 18-го краснознаменного дальнебомбардировочного авиационного полка в 3-й его эскадрилье прибыл 10-го октября 1941 года на Северо-Западный фронт в 6-ю Воздушную армию. Затем были Ленинградский, Волховский фронты.

С ноября 1942 года - уже Воронежский фронт, 815-ый дальнебомбардировочный авиационный полк в составе 113-й дальнебомбардировочной авиационной дивизии, где Г.Я.Деревянко служил по 12-е мая 1943-го года.

В 1943 году Григорий защищал и освобождал Воронеж. Спустя много лет, когда мы переезжали в Воронеж из Ташкента, он вдруг увидел на обочине дороги памятник погибшим воинам и написал:

Подъехал к Воронежу, глянул в окно...
 Невольно припомнил былое:
 Вот памятник другу, до боли родной,
 Над братской могильной плитой.
 Кто здесь похоронен? Всех не узнать,
 Кто ж их имена мне подскажет...
 Глаза закрываю и вижу опять,
 Как пули косили нас вражьи.

И, кажется, все это было сейчас:
 Идут в наступленье ребята,
 И вот уже нет половины из нас,
 Сухарь с кем делил, словно с братом.
 И, глядя на памятник, думаю вновь,
 Что в вечном долгу мы, живые
 Пред теми, кто пал за чудесную новь...
 Простите, друзья боевые,

Что сделали что-то, быть может, не так,
 И в чем поступились мы малость.
 О многом судили в часы меж атак,

В живых нас немного осталось.
Взглянув еще раз на могилу в цветах
Склонившего знамя солдата,
Стоим с болью в сердце, морщинкой у рта,
Опять, как на фронте когда-то.

После Воронежа были Курская дуга, Брянский фронт. И, поскольку его дивизия входила под непосредственное Верховное Главнокомандование, их даже с Брянского фронта посылали бомбить немцев на Белорусский, Прибалтийские фронты. Затем была Берлинская наступательная операция с 6-го марта 1945 года по 9 мая 1945 года, то есть до Великой Победы.

8 августа 1945 года его полк и вся 113-я дивизия приземлились уже в Монголии, на аэродроме в городе Чой-Бол-Сан (Столице Монголии). 9 августа 1945 года их полк уже бомбил Хайдар, Цицикар и Дон-Шахе, находясь в составе Забайкальского фронта, в 12-й Воздушной Армии.

В составе Забайкальского фронта их 815-ый авиаполк и 113-ая авиационная дивизия находились с 8 августа 1945 по 2 сентября 1945 года, то есть до Дня подписания акта о безоговорочной капитуляции Японии и окончания второй мировой войны.

Так закончились фронтовые будни на Дальневосточных землях. А потом начиналась обычная трудовая жизнь.

Сейчас самое начало весны. После такой утомительной, долгой, скучной и снежной зимы так и хочется искупаться в первых солнечных лучах, вдохнуть запах теплого ветра, услышать многоголосье первых весенних птичек. И хоть зима еще цепляется за жизнь последним тающим снегом, который белеет на фоне пробивающейся зелени молодой травки, но время уже не повернуть вспять. Солнышко полновесно вступает в свои права и пробуждает все вокруг: почки на тополях и березках приоткрылись, и в воздухе чувствуется едва уловимый запах маленьких клейких листочков. Еще день-два, и деревья покроются нежной зеленью. Вначале это чуть заметный налет, а потом листья начинают расти все смелее и смелее, и на глазах происходит чудо: мгновение — и деревья уже в пышных одеяниях. Живой, зеленый цвет сменяет холодную, мертвенную бледность зимы. Прекрасная пора - Весна! Весной как-то особенно светит солнце: как-то ослепительно, радостно и празднично. И хочется сбросить с себя зимнее оцепенение, пробудиться, выйти из дома, любоваться высоким небом, красотой плывущих облаков, наслаждаться теплом и самой жизнью. Правда, в этом году весна немного подразнила нас теплой погодой и отступила. Все равно, время зимы истекло, и хоть нас слегка пугает возвращение морозов, но мы же понимаем, что это ненадолго.

Весна всегда ассоциируется с солнцем, теплом, праздничным настроением, жизнеутверждающим праздником 1 мая, немного грустным праздником Победы – 9 мая.

Прошло много лет с того рокового утра 22 июня 1941 года, а наша память вновь и вновь возвращается к тем страшным, суровым годам.

Возвращается потому, что война была не только бедой, опалившей своим огнем каждую семью, но и суровым испытанием, продемонстрировавшим силу духа и нравственное величие простых людей, подлинное значение которых с годами раскрывается все полнее и полнее. Сейчас все больше появляется рассказов, воспоминаний о войне, но не припудренных, не раскрашенных в розовые тона, а повествующих об истинных героях – простых солдатах, офицерах, до самозабвения любивших свою родину и отдавших за нее свои жизни. Вечная им память!

День 9 мая был и остается, пожалуй, самым значительным праздником в нашей стране, да, пока и не только в нашей, но и во всем мире. Пока потому, что во многих странах, в частности, в Прибалтике, на Украине пересматривается само значение победы в ВОВ, роль советских людей в победе над фашизмом. Казалось, такое никогда бы не должно было случиться, ведь нет, пожалуй, ни одной семьи, которую война бы не задела свои крылом.

Кажутся невозможными, каким-то страшным сном, наваждением эти торжественные марши и шествия бывших пособников фашизма по Крещатику, по городам Прибалтики во время празднования 9 мая. И это в странах, где погибла почти половина населения во время войны, где зверски расстреливались и уничтожались целые семьи! Невероятно! Так хочется, чтобы общество наше выздоровело, чтобы люди в этих странах пробудились, трезво взглянули на нынешнюю политику государств, где дискредитируется само понятие Великой Отечественной войны, именно отечественной, ведь в те годы это было и их отечество. Оскверняя, уничтожая памятники погибшим солдатам, они пытаются стереть память о миллионах павших солдат, о бесчисленном количестве людей, замученных в концлагерях. Хочется, чтобы нынешнее молодое поколение не забывало о цене, которая была заплачена за его будущее, чтобы чтити ветеранов войны, которых осталось то уже не так и много, чтобы не только в праздники, а ежедневно помнило, во имя чего эти люди отдали свою юность, свои самые лучшие годы.

Григорий Яковлевич был очень добрым человеком, хорошим учителем (стаж его педагогической работы составлял около 50 лет), убежденным патриотом, журналистом, внештатным корреспондентом газеты «Коммуна». В течение нескольких лет он являлся членом воронежского Союза писателей «Воинское содружество», которое объединяет поэтов и писателей – ветеранов Великой отечественной войны и нынешних военнослужащих – отставников и офицеров запаса и членов их семей. И там он работал с огромным желанием, энтузиазмом и удовольствием.

8 января 2005 года с 85-летием Григория поздравляли члены Союза военных писателей «Воинское содружество» Прокопьев Вячеслав Прокопьевич (слева) и Чириков Василий Васильевич (справа). Они очень тепло поздравили Григория с днем рождения и вручили поздравительные адреса от писательской организации.

85 лет моему мужу Г.Я.Деревянко

Григорий никогда не боялся никакой работы, во всем был неистовым, всегда добивался поставленной цели. Кроме того, он был человеком, влюбленным в жизнь, оптимистом, поэтом.

В своем стихотворении «Моя дорога» он писал:

Моя дорога гладкой не была,
 Я колесил неистово по жизни,
 Но все мои поступки и дела
 Я отдавал служению Отчизне.
 Отчизне той, что Родиной зовется,
 По-русски нежной и, подчас, суровой,
 И дерзновенно выбранный маршрут
 Стал для меня всей жизненной основой.

Многие стихи Григория Яковлевича положены на музыку, как, например, «Улетели к югу журавли», «Седина», «Тихий Дон», «Служим мы Отчизне милой», «Марш дружинников» и другие...

Прожили мы с Григорием почти 60 лет. Для тех, кто будет читать эти строки, могу только сказать, что это очень большой жизненный путь. 60 лет – годы, которые вмещают в себя очень разные события, как счастливые, так и печальные. Сейчас, по прошествии стольких лет, забываются трудные, серые будни, годы тягот, невзгод, годы сложных решений.

Из моих воспоминаний может сложиться впечатление о муже, как о каком-то идеальном человеке. Он не был идеальным. Не все было так гладко и легко. Любой человек – это конгломерат яркого и будничного, доброго и не очень, открытого и тайного. И, наверное, это прекрасно, что мы бываем такие разные. Ведь если бы мы состояли из одних добродетелей, было бы чрезвычайно скучно жить в этом мире. И за эти

долгие 60 лет сколько же нами было прожито и пережито! Правда, вспоминается только хорошее и важное.

За годы совместной жизни мы много ездили, благодаря жизненным обстоятельствам и благодаря неугомонному характеру Григория Яковлевича, Много было городов, множество переездов, разных встреч, разных мест работы. Был Китай, была Украина, был Ташкент, был Воронеж. Трудно все воспроизвести в памяти, но никогда не забудется наша первая встреча с моим будущим мужем. А началась история нашей с Григорием Яковлевичем семьи как раз в Китае.

Я приехала туда вместе с моими родителями. Отец мой – офицер советской армии - в июне 1946 года приехал в отпуск домой, а после отпуска вернулся в Китай в город Дальний, где находилась в то время его воинская часть. Он принимал участие в войне с Германией, а затем с Японией. И случилось так, что и мой будущий муж Григорий Яковлевич тоже участник войны с Германией и Японией. Вот в городе Дальнем мы с ним и встретились. Мне тогда было 18 лет, Григорию – 26.

Китай, 1946 год

Первая наша встреча произошла в кинотеатре «Прогресс», куда мы вместе с моей младшей сестренкой Сашенькой пошли посмотреть очень популярный тогда фильм «Небесный тихоход» с участием артиста Михаила Жарова. На этот же фильм пришел и Григорий со своим другом. Наши места в зрительном зале оказались рядом. После фильма все вместе шли домой и по дороге выяснили, что живем мы одной и той же улице недалеко друг от друга. Вот и не верь после этого в случайность!

Мои сестры Таня и Саша

Григорий, как нам представился один из молодых людей, был хорошо сложен, красив, статен, светловолос, голубоглаз, с вьющимся волосами. Военная форма ему очень шла (военная форма вообще украшает мужчин). Он оказался очень живым, разговорчивым, с чувством юмора, умел окружить вниманием. Мне он, в общем, понравился. Но никаких далеко идущих планов на его счет я не строила. Мы были молоды, вся жизнь была еще впереди, только приехали в Китай с семьей, нам все было необычайно интересно, все хотелось узнать, посмотреть. До любви ли тогда было. И этот эпизод забылся. Но, как потом оказалось, он по отношению ко мне имел самые серьезные намерения. Прошло некоторое время, и он стал появляться в нашем доме.

В августе Григорий уехал в Порт-Артур на конференцию. Как только он вернулся, сразу сделал мне предложение. Я приняла его предложение, и вот первого сентября 1946 года мы с ним зарегистрировались в Советском Генеральном консульстве в городе Дальнем, а 2 сентября у нас состоялась свадьба. На свадьбе присутствовали как сослуживцы моего отца и Григория, так и наши новые знакомые из числа русских эмигрантов, проживающих в городе. Свадьба у нас была необычная: веселая, красивая, с выездом на фиакре. Ее устроили нам наши родители и очень помогли соседи-эмигранты, с которыми у нас сложились замечательные отношения. Это не забывается!

Жаль только, что не сохранилось свадебных фотографий, отображающих это событие. Но в памяти оно сохранилось навсегда. И, когда мы отмечали свою золотую свадьбу, мы с ним с огромным удовольствием вспоминали наше знакомство и наши необычные «китайские» свадебные торжества.

Г.Я. и М.Б. Деревянко в молодости

К слову сказать, в городе Дальнем эмигрантская диаспора, как сейчас принято говорить, была многочисленна. Она имела свой культурный центр, кинотеатр «Прогресс», спортивный клуб, русскую школу, ресторан «Чурин» (он был так назван в честь русского купца Чурина), магазины и небольшие водочные заводы. Эти люди, оказавшись в Китае в силу разных причин и обстоятельств, по-своему любили свою бывшую родину, Россию, русских людей, в том числе и нас, советских граждан. Они всегда были рады нам, нашим встречам. Встречали нас очень радушно, со слезами на глазах, постоянно приглашали к себе в гости. Ведь как бы благополучно не сложилась их жизнь вдали от родины, она была всегда с горчинкой. Им нелегко было общаться с местным населением, они тосковали по России, по родным и близким, и это откладывало свой отпечаток на их поведение. Конечно, многие из них мечтали вернуться на родину.

Эта горсточка русских людей делала очень много для того, чтобы познакомить местное население с русской культурой, традициями и, самое главное, с русским языком. Это им удавалось сделать. Китайцы, например, с удовольствием слушали русскую музыку, русские песни. У них даже был свой женский ансамбль «Китайские сестры Федоровы». Я, конечно, в то время знала о Китае только общеизвестные факты, взятые из справочников. Ну, например, что Китай являлся очень древней и многонаселенной страной, которая находилась на востоке от России. По своей территории она уступала только Советскому союзу. Больше США, в два с половиной раза больше Индии, в 18 раз больше Франции и в 35 раз больше Японии. Численность населения в то время была 483 миллиона человек. Это, конечно, впечатляло. Правда, сейчас там численность 1 миллиард 330 миллионов человек, это впечатляет еще больше.

В этой интересной, древней и загадочной восточной стране нам довелось прожить два незабываемых года. Незабываемых еще и потому, что именно в Китае в 1948 году в нашей новой семье родился первенец – такой долгожданный и любимый сынишка. Мы долго подбирали ему имя, хотелось, чтобы оно было красивым, емким, звучным, и в результате мы

назвали его Александром. Так что пребывание в Китае было для нас не только чрезвычайно познавательным, но и решающим для семьи.

Вскоре после рождения сына мы вернулись в Советский союз и обосновались в городе Черновцы Украинской ССР. Там оба окончили педагогический институт и работали в школе. Муж сначала работал директором детского дома, потом директором школы, я – преподавателем русского языка и литературы. В 1949 году у нас родилась дочь Светлана.

Григорий был старше меня на 7 лет, тогда это была большая разница и я прислушивалась к нему, его советам. Я к тому времени уже окончила педучилище, учительский институт и можно было бы остановиться в плане образования, но он считал, что этого недостаточно, сам поступил в Станиславский (позже его переименовали в Ивано-Франковский) пединститут и меня приобщил к учебе. И вот, несмотря на то, что у нас было двое детей, дети были еще маленькие, мы с ним учились и окончили пединститут.

Шурик и Света

Каким трудом это все далось, невозможно сейчас даже пересказать, но важен результат.

Мы стали дипломированными специалистами, да и детей благополучно вырастили, в чем очень помогла нам мама Григория, очень добрая, тихая, застенчивая Анна Власовна, которая жила всегда с нами и которую мы всегда с благодарностью вспоминаем.

Семья Дервянко в 1956 г.

На Украине мы прожили в общей сложности 11 лет. Жили мы среди западных украинцев и молдаван, которые доброжелательно относились к нам. Мы им отвечали тем же. Любили слушать и сами с удовольствием пели украинские и молдавские народные песни. Да и сейчас, услышу украинскую песню, и дрогнет сердце. В те годы не возникало даже вопроса, кто к какой национальности относился. Все народы жили одной семьей, у всех были одни и те же общие проблемы. Война всех уравнивала, все национальности нашей страны приняли удар войны, пережили войну, и думалось только о мире, о жизни, о детях, о прекрасном будущем, которое мы все вместе строили. У нас на Украине появились замечательные друзья, наши коллеги, с которыми мы до сих пор переписываемся, невзирая на сегодняшний совершенно надуманный конфликт между «самостийной» Украиной и Россией.

Начало трудовой деятельности на Украине в Збарском районе

В 1959 году мы переехали в город Ташкент, где жил отец мужа. Там мы прожили до ташкентского землетрясения, до 1966 года. Годы жизни в Ташкенте обогатили нас познанием восточного уклада жизни. Это был колоритный многонациональный город. Война забросила туда в эвакуацию представителей всех наций нашей страны, многие остались в Ташкенте жить навсегда, так как период эвакуации

был долгим, у многих появились семьи. Прожили мы там 8 лет, за это время дети подросли, сын поступил в Ташкентский университет, дочь окончила среднюю школу. Григорий работал преподавателем истории в школе, я – методистом по русскому языку в Октябрьском районе и преподавателем русского языка. В это время русский язык был очень популярен, все узбеки старались изучать его, довольно хорошо владели им. Мы уже успели привыкнуть к Ташкенту, его многообразию, к его ритму. Появилось много друзей у нас с Гришей, у наших детей. Но в 1966 году произошло сильное землетрясение, и вновь встал вопрос о переезде.

Семья в Ташкенте

Жить приходилось на улице, наш дом был разрушен. Правда, нам дали квартиру, но на пятом этаже, а так как толчки продолжались, особенно по ночам, и никто не знал, как долго все это продлится, ночевать на улице было трудно, а после таких ночей нужно было идти на работу и полноценно работать. Это было очень тяжело, мы долго размышляли и на семейном совете приняли решение, стали готовиться к переезду. Вся страна тогда откликнулась на это событие в Ташкенте и всем, кто хотел уехать, был предложен ряд городов, которые были готовы оказать помощь пострадавшим и предоставляли жилье. В числе этих городов был и Воронеж. Нам он подходил, так как дети должны были учиться, а Воронеж был большим культурным центром, с большим количеством вузов, это все и решило. И вот по распоряжению Совета Министров РСФСР и Узбекской ССР в составе 50 семей были направлены на постоянное место жительства в город Воронеж.

Нам дали двухкомнатную квартиру и трудоустроили. Мужа направили завучем в среднюю школу №23 Железнодорожного района и учителем истории, а меня - методистом в Ленинский район и учителем русского языка и литературы в среднюю школу № 38. Сын Александр был переведен на второй курс Воронежского государственного университета (на механико-математический факультет), дочь в этом же году поступила в ВГУ на романо-германский факультет.

Быстро, незаметно промелькнули годы, да не годы, а десятилетия. Приехали мы с Григорием в Воронеж сорокалетними, и прожили здесь более сорока лет. Дети наши подросли, окончили вузы, устроили свою жизнь тоже в Воронеже, мы были очень рады, что они рядышком с нами, оба они уже на пенсии, правда, продолжают работать, имеют очень хорошие семьи. Живут в Воронеже. Есть у нас и любимый внук Олег, он тоже женат. Прекрасные зять и невестки, словом, грех на жизнь жаловаться. И вот все было бы хорошо, если бы не возраст, не болезни и не смерть мужа. Все можно принять, кроме этого страшного слова. И сейчас, порой, становится очень печально оттого, что нет рядом моего соратника, близкого мне человека, с которым мы прошли рука об руку длинную, трудную, счастливую и такую разнообразную дорогу длиной в 60 лет.

Муж мой не искал в жизни легких путей, да ему никто их и не предлагал. Жили мы всегда трудно, но интересно. По характеру мы с Григорием были немного разные, словно лед и пламень. Он - очень заводной, подвижный, эмоциональный, целеустремленный, со всеми легко находящий общий язык. Я - более сдержана и менее эмоциональна. Эти качества ему всегда помогали в жизни. В любую компанию он легко вписывался, любил петь, был начитан, хорошо знал русскую литературу и поэзию. У него была прекрасная память, поэтому очень многие стихи он знал наизусть и любил читать. Иногда дети просили его что-нибудь почитать, и он начинал с «Цыган» Пушкина: «Цыганы шумною толпой по Бессарабии кочуют...»... И все мы, словно зачарованные, слушали. Это было замечательно!

Сам Григорий начал писать еще в довоенное время. До 1991 года он печатался, в основном, в газетах и журналах, а с 1991 года начал выпускать небольшие собственные сборники. Им было выпущено несколько поэтических сборников: в 1991 году вышло три сборника «Лети, моя песнь», «Солнце над Россией», «Былинные рыцари», в 1997 - «Избранное», в 2001 году – «Стихи мои – свидетели былого» (трехтомник), в 2005 году - сборник «Войной опалённая молодость». Выходили и другие сборники, всего он выпустил более 40 книг и сборников стихов.

В книге «Войной опалённая молодость» он много пишет о войне и о послевоенном времени, поднимает проблему воспитания молодежи и связи разных поколений. Особенно мне нравится это небольшое стихотворение, которое отражает его жизненное кредо, его жизненную установку:

С правнуков мы не спросим,
 Правнуки спросят с нас.
 Вот почему под осень
 Дорог нам каждый час.
 Каждый миг на учете,
 Хочется всё успеть,
 Сердце, сумей в работе
 Жарче ещё гореть!

Григорий был настоящим трудоголиком, не боялся никакой работы, никогда не щадил себя, очень любил людей, всем сочувствовал и старался помочь тем, кто его окружал. Причем, он никогда не ждал ни от кого благодарности, делал это бескорыстно, по зову сердца, просто для себя. В течение десятилетий он был внештатным инспектором общественной приемной газеты «Коммуна», причем это все было бесплатно. Деньги для него никогда не были решающим фактором. Ему все было интересно. Он мог тратить целые дни на разрешение чьих-то проблем. И всегда спешил. Спешил помочь, спешил сделать что-то, спешил жить.

Григорий очень любил своего единственного внука Олега. Он так гордился, что у него есть продолжатель фамилии Деревянко. Он все время собирал, подбирал какие-то книги, газеты, свои сборники стихов, чтобы потом передать их Олегу. Правда, на воспитание внука у него просто не хватало времени, так как занимался все время другими делами, о чем потом очень сожалел. Но он всегда гордился успехами Олега, всем и везде показывал его фотографию и много рассказывал о нем.

Вообще, Григорий был эмоциональным человеком, но молчуном. Пожалуй, ему было легче все чувства высказать в стихах, нежели напрямую тому, кому они предназначались.

С любимым внуком Олегом

Свой богатый внутренний мир, свою гражданскую позицию, своё мироощущение, свое жизнелюбие и оптимизм Григорий выражал в стихах. Они были частью его самого. Без них он просто не мог жить. В них звучала вера в человека, в его возможности и в то, что, какая бы стихия ни воцарилась над миром, наступит момент, когда солнце снова заиграет. Все кругом весело засверкает, воздух станет свежим, пропитается всеми прекрасными запахами трав, земляникой и грибами, и чувство безмерного счастья охватит вас оттого, что есть земля, есть солнце, есть природа и есть вы. И все будет прекрасно! И он верил в это.

Григорий не рассказывал много о войне. Не знаю, почему. Может быть оттого, что он выговаривался в стихах. Облекая свои воспоминания в стихи, он как бы заново переживал весь тот ужас, который ему пришлось пережить в дни войны, дома он был скуп на воспоминания. Но, читая его стихи, можно было себе представить, как все было страшно. Ведь он в юности пережил голод 30-х годов, потом войну, блокаду Ленинграда, горел в самолете, был ранен, пережил ташкентское землетрясение, пережил 7 операций, но каждый раз он выживал и только за счет своего сильного и жизнеутверждающего характера. А по ночам он по-прежнему видел кошмары, ходил в атаку, кричал, звал кого-то. Война не давала ему покоя до самых последних дней. «На войне умерла наша молодость, сожаленья о ней не умрут», писал он в одном из стихотворений.

Его стихи – это продолжение его жизни. Иногда возьму одну из его книг, почитаю, вспомню, и словно поговорила с ним. Да, 60 лет – немалый срок.

И вот сейчас его нет рядом! Порой, за суетой буден исчезает острота утраты, но вдруг нахлынут воспоминания, от которых никуда не деться.

Говорят, что упавшая с неба звезда - символ окончившейся человеческой жизни. Да, три года назад звезда моего мужа исчезла с небосклона, и березки грустно и нежно склонились над его могилой, оберегая его уже вечный покой и сон.

Но память о нём жива и будет жива до тех пор, пока читаются его стихи, пока все мы живы!

Папа в моей жизни

Слово папа у меня ассоциируется с огромным чувством утраты. И это чувство все больше усугубляется с годами, когда ты понимаешь, что детства уже не вернуть, что уже подходит твоя не первая зрелость, что не будет уже ощущения детства, когда все твои шалости и проделки воспринимались и принимались, и понимались. Много всплывает, как сквозь призму: что-то четко, ясно, словно было вчера, многое забылось.

Мне вспоминается мое раннее детство, когда папа и мама сажают нас с братом на плечи и идут на работу в школу. Там мы спокойно сидим на задних партах, а родители наши в это время ведут уроки, работают с учениками. Я сейчас думаю иногда, как же трудно им обоим проходило, но никогда я не слышала жалоб папы или мамы, что им было тяжело. Что же это за поколение, которому было все под силу!

Папа очень любил природу. Цветы, которые он выращивал у себя на подоконнике, благоухали под его неусыпным взглядом. И, конечно, под маминым. Ему было дело до всего. Частенько соседи подсмеивались над ним, когда он выходил во двор, убирал, подметал за дворников и только для того, чтобы вокруг был порядок, чтобы все было чисто и красиво. Носил откуда-то песок, насыпал дорожки, разбивал клумбы, повсюду сажал цветочки. Пока он был жив, благодаря только его усердию и трудолюбию возле дома всегда был порядок. Сейчас на двор не взглянешь без скорби. Весь он запущен, никто не хочет создать красоту вокруг себя.

Вырос папа в деревне под Оренбургом, так что землю он знал и любил, как, впрочем, и моя мама. Как-то им выделили небольшой участок земли. Вот уж где они развернулись. Приходили туда с утра и до позднего вечера трудились там до самозабвения. Иногда даже забывали поесть, передохнуть. Воды рядом не было, и они возили ее издалека, не считаясь ни со своим возрастом, ни со здоровьем, ни со временем. Но как уж они радовались, если где-то что-то проклюнулось, взошло. Радовались каждой былинке травы, каждому кустику или цветочку.

Папа с мамой были неразлучны почти 60 лет, поэтому они всегда все делали вместе. И, говоря, что папа любил природу, я говорю и о маме, что папа любил писать, я говорю и о маме, тем более она у нас филолог, учитель русского языка и литературы, а папа тоже гуманитарий – учитель истории. Так что они оба могли живописать, они оба очень тонко чувствовали и понимали природу и умели передать все в стихах или в прозе.

В жизни человек подчас не способен заметить главное, скрытое за ширмой действительности. А стихи папы как бы призывают оглянуться, остановиться на миг и увидеть, запечатлеть обилие оттенков, полутонов в окружающей нас природе, которое дополняется живым музыкальным сопровождением - пением птиц, шелестом кленовых листьев, приглушенным стуком дятлов, стрекотанием кузнечиков, жужжанием мотыльков. Он, как художник, макнет кисть в тюбик с красками и создается удивительная картинка. Каждой строчкой он говорит о том, что человек должен любить природу, восхищаться ею, бережно к ней относиться, понимать её, ведь только благодаря природе происходит обновление души, ее очищение.

Росинка

Росинка пала на листок,
Лежит себе, искрится.
И ей, глупышке, невдомек,
Что может испариться.

Она ведь, капелька, мала,
Но в ней такая сила,
Что сразу солнышко взяла
И всю себя вместила.

И так довольна чистотой
Она своей, что даже
Ей, позавидовав, любой:
«Какая прелесть!», - скажет.

А если солнышко прижжет
 Жестоко и спесиво –
 Росинка высохнет, умрет,
 Но светлой и красивой.

А как он любил всякую живность! Как-то у внука Олега появилась канарейка, с каким удовольствием и наслаждением он слушал ее пение, рулады и трели, которые она выводила. Он, как ребенок, восхищался этими мелодиями. Позже у нас были еще и волнистые попугайчики, совершенно восхитительные, которых мы всей семьей иногда успешно, иногда безуспешно учили разговаривать. После наших уроков они замечательно болтали как на русском, так и на французском языках, но неизменным оставалось папино трепетное отношение к этим созданиям.

Помню, что в семье нашей был культ знаний, что учиться надо было только хорошо, поскольку родители были учителя и, кроме того, учились мы в той же школе, где работали наши родители. Они всегда стремились нам дать как можно больше. Решили повести нас с братом в музыкальную школу. У брата моего, Саши, был отменный музыкальный слух, и его сразу приняли. Я же была очень маленького роста, и мне сказали, что годик надо бы повременить, немного подрасти, чтобы меня было видно из-за баяна. Очень уж мне было обидно, ведь экзамены-то я тоже сдала. И вот год спустя меня тоже приняли в музыкальную школу, и я была чрезвычайно этим горда, что я учусь в той же школе, что и мой старший брат. У нас с братом на двоих был один инструмент – баян. Сказать, что он мне очень нравился, не могу, так как мечтала всегда о фортепиано, но никаких альтернатив по поводу выбора инструмента быть не могло, так как каждому ребенку по инструменту – это было бы слишком для нашей семьи. Ну что ж, пришлось осваивать баян. Брат мой всегда играл очень легко, техника исполнения была очень высокая, вообще, учеба ему удавалась и давалось всегда легко. Память у Шурика была потрясающая. Он в одно мгновение учил уроки, прочитывал книги. Иногда папа не верил, что он так быстро это делает, и садился проверять прочитанное.

Просил передать содержание текста на определенных страницах, считая, что он прочел книгу поверхностно. И мы все всегда поражались, что Шурик излагал содержание почти слово в слово. Мне все это давалось значительно труднее. И вот я помню наши субботние или воскресные дни или вечера, когда папа с мамой были дома. У них, наконец, появлялось время и они вдвоем, или еще с одним слушателем, нашей бабушкой, папиной мамой, с огромным воодушевлением сидели по 2-3 часа и

выслушивали всё, чему мы с Шуриком научились в музыкальной школе. То есть, приходилось играть не те произведения, которые мы только что разучили, но и все предыдущие. Исполнение, как я сейчас себе представляю, было далеко не мастерским, зато какое терпение! Иногда папа подпевал нам. Кстати, он очень любил петь, особенно ему удавались украинские песни, например, «Ридна маты моя», «Роспрягайтэ, хлопци, коней» и другие. Петь любила и мама. Помню, как она напевала песню из какого-то фильма «Я надену розовое платице», так что в семье нашей любили петь.

Сладенького всегда и всем хотелось, так как мы не были в те годы избалованы конфетами. Конфеты были только по праздникам. А в школьном буфете, где мы учились, продавались ириски, такие вкусные-превкусные. И вот я подбегала к папе на перемене и просила купить ириску. И никогда в этой моей радости не было отказа.

Поскольку мы с братом получили музыкальное образование, естественно, что мне нравилось петь. А текстов песен было не достать. Сборников песен было мало, и я очень огорчалась по этому поводу. Сейчас можно пойти в любой книжный магазин и там найдешь такое разнообразие книг, журналов, текстов песен, что голова закружится. В те далекие годы моего детства этого не было и приходилось собирать песенки по крупинкам. Я помню, как папа долго собирал вырезки из журналов с текстами песен, любовно их вырезал, сортировал по тематике и как-то однажды выдал их мне. Вот радости то было! Много лет спустя, когда я уже училась в университете и очень увлекалась изобразительным искусством, а репродукций картин тоже было маловато, папа с удивительной скрупулезностью вырезал из журналов то немногое, что ему попадалось, раскладывал по рубрикам «Русское», «Западноевропейское», «Французское» и т.д. и потом с победным видом вручал мне. Я это помню до сих пор. Вообще, он всегда что-нибудь собирал, коллекционировал. То он без конца пополнял библиотеку, то все газеты, всю периодику, которая издавалась, старые газеты. Особенно он интересовался политическими событиями, комментариями к ним. Он же был историком. И до сих пор в нашей кладовке лежат стопки этих газет, которые он с такой кропотливостью и терпением собирал и классифицировал.

Конечно, на мой взгляд, самой отличительной чертой папы было его трудолюбие и полное отсутствие лени. Он был трудоголиком, как и мама. У нас всегда в семье всегда все много трудились. В этом же духе и мы были воспитаны. Саша, например, когда уже стал студентом, ни одного лета не отдыхал, а всегда ездил на целину, чтобы подработать. Причем, это была не воронежская целина. Он ездил всегда то в Казахстан, то куда-то в Сибирь. Я тоже бывала на целине, правда, под Воронежем, и ни разу не пожалела об этом, ведь там мы с братом многому научились. Саша, например, кроме того, что он первоклассный математик, стал прекрасным строителем, а я – поваром. Кстати, папа с мамой приезжали ко мне в отряд, даже написали гимн нашего отряда. Прекрасное было время! Беззаботное.

Папа у нас был типичным холериком. Работал он быстро, много. Вообще наши родители никогда не работали мало и только в одном месте. Всегда подрабатывали, мама работала инспектором районо и в школе, папа был директором школы и вел множество предметов: он мог вести и историю, и географию, и математику, и другие предметы. У него был очень подвижный ум. Везде он успевал. При этом он еще писал стихи, работал в газете «Коммуна» в общественной приемной и внештатным корреспондентом. В последние годы жизни работал в фирме «Мебель Черноземья». И как его на все хватало! Он не ходил, а летал, ноги его были всегда впереди тела. Вообще, был легкий на подъем. И уже в степенном возрасте они с мамой работали на участке. Другие пенсионеры сидели себе на скамеечке перед домом и промывали кости своим соседям. Папа с мамой никогда этого не делали. Они были всегда чем-то заняты. Восхищаюсь ими и горжусь! И вот сейчас маме моей почти 82 года (исполнится 28 мая), а она все делает сама по дому, к ней приходят посоветоваться соседи со всего дома, где она проживает. Очень мудрая и понимающая. Нужно отдать должное маме, семейные решения принимала зачастую мама, папа к ней всегда прислушивался, все кардинальные решения исходили от нее.

Папа был очень коммуникабельным, легко сходился с людьми, причем,

если человеку надо было помочь, он делал все от него зависящее и даже более того и решал проблему. Правда, у него был вспыльчивый характер, но отходил он быстро. Но ведь говорят же, что недостатки человека – это продолжение его достоинств. Я с этим вполне согласна.

Китайский философ Конфуций сказал: «Лучше зажечь одну маленькую свечу, чем клясть темноту». Лучше сделать что-то конкретное, чем проклинать жизнь и стенать, что того или иного нет, нет условий, нет возможности, искать причину, чтобы ничего не сделать. Родители наши всегда что-то делали. Всегда вкладывали душу во все и во всех, с кем работали. Сколько же свечей зажгли папа с мамой, трудно даже сосчитать. Они были настоящими педагогами. Папа умел совершенно по-особому найти к каждому ученику свой подход, и там, где остальные учителя просто отказывались от работы с учеником, папа вел с ним свой разговор, понятный только им двоим, как правило, проблема благополучно разрешалась. У мамы были тоже свои методы, и всегда результат был положительный. И когда родители вместе прогуливались по улице, приходилось без конца отвечать на приветствия, либо останавливаться для более продолжительного разговора с одним из бывших учеников. Это ли не признание труда. А потом папа еще долго с

гордостью сообщал окружающим: «Это мой ученик!» и начинал рассказывать о нем, всю его историю.

А как они с мамой гордились успехами сына, дочери или внука, зятя или невестки, если даже там были и не столь значительные успехи, правда, порой, были и успехи. Папа всегда носил с собой фотографии всех членов семьи и всем показывал, какие они все замечательные. А маму все папины друзья называли папиным ангелом, потому, что она и на самом деле была его ангелом-хранителем. Да он и сам это понимал. Если ему было плохо, он заболел, то он всегда говорил, что мама знает, что ему нужно, мама его вылечит.

С детства родители нас приучали к труду. Когда нам было лет по 6-7, а может быть и раньше, мы с братом мыли пол по очереди. Не сказать, что это было большое удовольствие, но приходилось это делать постоянно, отсюда в нас сильно развито чувство справедливости, что все должно быть поровну, сладкое – поровну, но и трудности пополам. Но и из того же чувства справедливости, должна сказать, что моему старшему брату доставалось за меня, ведь он был старшим, но тогда я этого не понимала, а сейчас я пытаюсь восполнить эту несправедливость.

Вообще, жизнь в 60 лет очень трудно охватить. Что-то оставило более яркий отпечаток, что-то забылось. Но знаю одно, если чем человек и отличается от животных, так это памятью и чувством благодарности. Я очень благодарна судьбе, что именно такие родители были у нас, за то, что они вкладывали в нас то, что могли или просто учили своим собственным примером отношению к людям, к труду, к жизни. Я не устану благодарить их за это, помня об умершем папе и помня о нашей любимой маме, которая с годами становится трогательнее, все ближе и роднее.

Светлана Стернина

О моем отце

Отец не дожил до моего шестидесятилетия полтора года. Он умер на 87-ом году жизни и до последнего дня своей жизни он писал стихи. Стихи очень искренние, душевные. Они отвлекали его от боли физической и душевной и давали возможность мыслить, творить, одним словом, просто жить, потому, что в них и была его жизнь. То, что он не умел высказать в разговоре, он переносил на стихи. Это я понял, когда он стал издавать сборники стихов.

Когда время от времени в прессе появляется одно-два стихотворения, трудно понять, что за ними стоит. Он был очень патриотичным человеком и очень много стихов посвятил стране, родине, отчизне, партии, войне. Но свои лирические стихи он не очень показывал. Когда же начали выходить его сборники, стало понятно, что он очень лиричен, что он очень любит и чувствует природу, много пишет он о друзьях, о школе, об учителях, о врачах. Спектр его стихов достаточно разнообразен, многие стихи мне нравились, но главное – это то, что в них он отражал свое, близкое ему, наблевшее. И это очень подкупает.

Вспоминаю детство с удовольствием, такое безмятежное время это было, как легко все давалось. Родители наши всегда занимали нас чем-то, мало оставалось времени на друзей, но сейчас я даже благодарен им за это – например, они обучали нас музыке, в жизни потом это не раз пригождалось.

В детстве отец приучал нас с сестрой к трудолюбию, много времени уделял нам, когда был свободен. Он был очень увлеченным человеком, и я помню, что он разводил пчел, он и нас понемногу приобщал к этому увлечению. Сладкое мы все любили, и за это нам иногда

доставалось. Как-то я решил отведать немного меда, не заметил, что там сидела пчела, и получил за это - все лицо мгновенно распухло, все напугались, в том числе и я, пришлось лечиться.

У нас в семье всегда было много книг, и я всегда много и увлеченно читал с самого детства. Отец это поощрял. Не знаю как, но я научился скорочтению (раньше не было такого названия), и часто отец проверял эту

мою способность. Он сомневался, то я запоминаю, то, что читаю так быстро, несколько раз проверял меня, но я с честью выходил из проверки. Вообще, учеба мне давалась довольно легко, в школе не было никаких проблем. В музыкальной школе тоже, правда, приходилось носить с собой баян, это не доставляло никакого удовольствия. Но зато потом я научился играть на гитаре, музыкальное образование пригодилось. Учился в университете – выступал в самодеятельности, так что отцу за «насильственное» музыкальное образование мы с сестрой благодарны.

Вообще, я математик по роду своей деятельности, мне гораздо легче решить сложнейшую задачу, чем писать. Я считаю, что именно краткость сестра таланта. Так что много я написать не могу, хотя отца своего очень любил и всегда вспоминаю добром. У отца было очень много своих поговорок, которых я больше ни от кого не слышал. Например, он был очень легким на подъем. Для него не существовало проблем быстро собраться. В таких случаях он говорил: «Солдату одеться – только подпоясаться». Вообще, не ленивый он был человек. Но, порой, бывал несдержан. Все-таки война сказалась на нем.

Он всегда был в работе, куда-то спешил, был все время «при деле», занят и на нас у него мало оставалось свободного времени, но своим бесконечным трудолюбием он учил и нас не сидеть, сложа руки. И огромное спасибо ему за это.

Александр Деревянко

Мой тесть

Я познакомился с Григорием Яковлевичем как с учителем и заведующим учебно-консультационным пунктом (то есть филиалом) вечерней школы, в которой я начал работать после окончания университета. Я был учителем и находился в его подчинении. Я и подумать тогда не мог, что через несколько лет он станет моим тестем.

Меня поражало прежде всего его трудолюбие, неутомимость в работе, поражала его энергия в «борьбе за сохранение контингента», что являлось фактически основной задачей учителей вечерней школы. И это позволяло «держатъ школу» и обеспечивало работу нам, учителям.

Он знал и помнил в лицо и по фамилии всех учеников, где они работают, какие у них задолженности. Еще он очень умел разговаривать с мальчишками, порой отъявленной шпаной, которая у нас училась, они его слушались и уважали. Сказывался его большой педагогический опыт, опыт директора детского дома.

Бывало, когда он попадал в больницу, ученики всегда его проведывали, приходили к нему. Иногда он из больницы писал им письма, чтобы они пришли сдать зачет к нему в больницу. И они приходили! Именно он мог держать разношерстный и буйный ученический коллектив нашей

вечерней школы в относительном порядке, поддерживать учебную дисциплину в школе.

Он ходил по ученикам день и ночь, беседовал с учениками, родителями, ходил на работу к ученикам, ходил по домам в субботы и воскресенье, его знала вся Отрожка, и это обеспечивало успех работу и УКП, и неплохие результаты работы школы в целом.

Коллектив школы

Еще он был журналистом, работал внештатным корреспондентом «Коммуны». Много сил он отдавал работе в общественной приемной «Коммуны». Была такая система – ветераны-журналисты принимали в определенное время жалобы граждан и пытались им помочь. Сколько он выслушал жалоб, скольким людям помог решить их проблемы – кому починить крышу, кому продвинуться в очереди на жилье, кому призвать к ответу соседа-пьяницу. Потом в период перестройки эту службу закрыли и он очень это переживал, как и его товарищи-ветераны по этой приемной – солидные немолодые мужики-ветераны с орденами, которые считали важным делом своей общественной жизни от имени газеты помогать другим людям, наводить порядок в нашем обществе.

Он ходил туда всегда с орденами и всеми почетными знаками на пиджаке – «орденский пиджак» у него всегда висел в шкафу наготове. При этом он никогда не «педалировал», что он участник войны, не выставял себя на этом основании вперед.

Как все участники этой страшной битвы, он мало рассказывал о войне – нам было интересно, но он о быте, подробностях никогда не говорил. Он охотно рассказывал только о своем общем воинском пути – где была часть, на каком фронте, когда и куда ее перебросили. А прошел он войну от и до, с первых дней до победы, а потом еще участвовал в войне с Японией.

Только незадолго до смерти я узнал от него, что он не только был авиационным техником - его основная воинская специальность, но и летал на бомбардировщиках ТУ-2 на боевые задания, управлял самолетом, бомбил вражеские цели. Моя просьба рассказать какие-нибудь подробности об этом всегда наталкивалась на его нежелание – он сразу переводил разговор на другое, так я и ничего не узнал о том, как это все происходило. Я тоже служил в авиации – естественно, в мирное время, в авиационно-технической части – и считал себя тоже «авиатором», мы с ним всегда вместе отмечали День авиации, делом чести было в этот день выпить с ним вместе несколько рюмочек водки и поговорить об армии, о самолетах, о войне.

Он был очень творческий человек, писал стихи, воспоминания. При этом манера писать стихи у него была очень быстрая. «Григорий» – быстрый в переводе с греческого, и он вполне оправдывал смысл своего имени – в любом виде своей деятельности, но в стихах – особенно.

Он практически не работал над стихами: как они «выливались» – так он и писал, так их и публиковал. Спорил, не хотел ничего менять – даже когда мы указывали ему на то, что он, например, неправильно использовал ударение или использует не сочетаемые слова. Он говорил – «поэт имеет право изменять ударение и слова».

Далеко не все его стихи были с моей точки зрения удачными, но он жил своей поэзией, очень трепетно относился к своим поэтическим произведениям. Много раз я предлагал ему выступить редактором его

поэзии перед ее публикацией, но он всякий раз отказывался. Он не хотел, чтобы в его стихах что-то кто-то менял.

Он тратил свои небольшие пенсионные деньги на то, чтобы выпускать книжки своих стихов. Даже продал свою рыбацкую резиновую лодку, чтобы выпустить очередной сборник стихов.

Всегда носил свои небольшие поэтические сборнички в карманах пиджака, дарил их новым знакомым, иногда – случайным встречным в транспорте, ему хотелось, чтобы его знали как поэта.

С удовольствием выступал в школах и библиотеках, его часто приглашали выступить с военными стихами, и он всегда находил для этого время, с удовольствием участвовал в таких встречах.

Стихи свои он читал не очень хорошо – у него не было таланта читать их художественно, выразительно, он просто читал свой стихотворный текст вслух по письменному варианту, часто запинаясь. Но слушали его всегда внимательно, уважительно, причем в любой аудитории.

Мне очень нравилось, как он обращался к своей жене, моей теще Марии Борисовне – «Марийка». Не было праздника, дня рождения, чтобы он не посвятил ей стихотворения. Много стихов он посвятил своей дочери Свете – моей жене, своему сыну Александру, внуку Олегу.

В моей памяти мой тесть Григорий Яковлевич Деревянко остается быстрым, подвижным, неутомимым в работе человеком, который все время занят каким-то делом, что-то делает или куда-то спешит, и который делает все исключительно для других, практически ничего для себя.

Всю жизнь он действительно прожил не для себя – не скопил денег, всегда очень скромно жил и одевался, имел «хрущевскую» малогабаритную квартиру с проходными комнатами, но никогда не делал из этого проблемы.

А помог он в жизни очень многим. И светлая ему за это память.

Иосиф Стернин

«Как учили в школе»

Григория Яковлевича я знала как тестя моего брата. Мы жили по соседству, в соседних домах - наши окна смотрят друг на друга. Общались мы на многих наших семейных торжествах, и в тяжелых жизненных ситуациях, (болезнь или смерть близких людей),

Григорий Яковлевич Деревянко запомнился мне своим неиссякаемым деятельностным темпераментом. Он никогда не унывал. Он все время был в работе, все время куда-то бежал, спешил, что-то предпринимал - не мог сидеть без дела.

Здоровье у него было не очень - ранения на войне, операции в мирное время, травма, полученная в ДТП на мотоцикле, другие болячки – но он никогда не унывал, даже если ему действительно бывало плохо. Все время что-то делал, читал, писал, бежал что-то для кого-то устраивать.

На вопрос: - Как дела, Григория Яковлевич? - обычно весело отвечал: – Как учили в школе! – Это означало, что все порядке, надо работать.

И еще он говорил: - И отсюда не гонят, и там не ждут. Значит, можно здесь еще побыть и что-нибудь сделать.

И еще он был неутомимый любитель благоустройства. Он единственный все время «обихаживал» газоны около своего подъезда, возился там, что-то сажал, обустроивал, подрезал, ремонтировал, вскапывал. Ему хотелось, чтобы около дома была зелень, чтобы всем было приятно выйти погулять.

Почти до самых своих последних дней Григорий Яковлевич с энтузиазмом работал на огороде, который ему выделили как ветерану – ходить туда было далеко, там все ломали, воровали, надо было по графику ходить его охранять, но он ходил с Марией Борисовной, несмотря на наши возражения, уставал, но без дела сидеть не мог.

И еще одна любимая фраза Григория Яковлевича запомнилась мне: - *Скорей бы ужинать, и завтра поработать.*

Марина Стернина

Об авторах воспоминаний

Деревянко Мария Борисовна – педагог, учитель русского языка и литературы, член Союза писателей «Воинское содружество», жена Г.Я.Деревянко.

Деревянко Александр Григорьевич – инженер, начальник бюро технических расчетов финансово-промышленной компании «Космос-нефть-газ», сын Г.Я.Деревянко.

Стернина Светлана Григорьевна - преподаватель французского языка, методист учебно-методического Управления Воронежского государственного педагогического университета, дочь Г.Я.Деревянко.

Стернин Иосиф Абрамович – профессор Воронежского ГУ, доктор филологических наук, зять Г.Я.Деревянко.

Стернина Марина Абрамовна - профессор Воронежского ГУ, доктор филологических наук, сестра И.А.Стернина.

Основные поэтические сборники Г.Я.Деревянко

1. Лети, моя песнь. Воронеж: «Радуга», 1991. 63с.
2. Песни сердца. Воронеж, 1997. 20 с.
3. Войной опаленная молодость. Сборник стихов. Воронеж, 1997.
4. Соловьиные ночи Стихи. Воронеж, 1997.
5. Как листья с деревьев летят года. Стихи и поэмы. Воронеж, 1997.
6. Встреча с Теркиным. Поэма. Воронеж, 1997.
7. Весенние напевы. Воронеж, 1997.
8. Под небом Советской России. Стихи. Воронеж, 1997.
9. Избранное. Воронеж, 1997.
10. Он видел завтрашней Россию. Воронеж, 1998.
11. Юность моего поколения. Поэма. Воронеж, 1998.
12. Привет родному зарубежью. Воронеж, 1999. 22 с.
13. Раздумья о поэзии. Стихи и басни. Воронеж, 1999. 38 с.
14. Самая гуманная профессия. Воронеж, 1999. 24 с.
15. Учитель наш – сердца частица. Воронеж, 1999. 18 с.
16. Я сын Советской России. Поэмы. Воронеж, 1999. 22 с.
17. Раздумья солдата о войне и жизни. Стихи и поэма. Воронеж, 1999. 26 с.
18. Песнь мечты. Стихи и поэма. Воронеж, 1999. 25 с.
19. Плеск Дарьи говорливой. Стихи и поэмы. Воронеж, 1999. 24с.
20. Их памяти будем достойны. Воронеж, 1999. 14 с.
21. Песни моей юности. Воронеж, 1999. 30 с.
22. Здравствуй, юность. Стихи и поэмы. Воронеж, 1999. 14 с.
23. Песни моего поколения. Стихи и поэмы. Воронеж, 1999.
24. Лирические зарисовки Стихи. Воронеж, 1999.
25. Раздумья о поэзии. Стихи. Воронеж, 1999.
26. Из воспоминаний журналиста. Их помнит мир спасенный. Воронеж, 2000. 30 с.
27. Журавли. Воронеж, 2000. 18 с.
28. Родина. Стихи и поэма. Воронеж, 2000. 22 с.
29. Их помнит мир спасенный. Воронеж, 2000. 78 с.
30. Стихи мои – свидетели былого. Избранные произведения. Воронеж : ЦЧКИ, 2001. 334 с.
31. Солнце над Россией. Стихи. Воронеж, 1991.
32. Былинные рыцари. Поэмы. Воронеж, 1991.
33. Поколение, чьи подвиги незабываемы. Воронеж, 2003. 30 с.
34. Они выполняют свой долг. Воронеж, 2003. 18 с.
35. Тепло сердец людям. Воронеж, 2004. 24 с.
36. Я такой, как все. Воронеж, 2004. 34 с. 40 с.
37. Краткие поэтические зарисовки. Воронеж, 2004.
38. Восхищаюсь тобой, человек. Воронеж, 2005. 180 с.

39. Так жизнь прожить – не поле перейти. Проза и стихи. Воронеж, 2005. 75 с.

Публикации о жизни и творчестве Г.Я.Деревянко

Юрьев Д. С. Об авторе // Деревянко Г. Лети, моя песнь. Воронеж, 1991.

Касаткин М. Об авторе // Деревянко Г. Солнце над Россией. Воронеж, 1991.

Давыдов А. Поэтом, друзья, быть совсем нелегко // «Мебельщик» 27 февраля 1992.

Аббасов А. Гореть, светя другим. - Воронеж, 1997. – С. 20-21,.

Нетускнеющее золото семьи // «Коммуна» , 31 августа 1996 г.

Рехин Д. В поэзии жизнь // Спутник ветерана . - № 2 (4). - Воронеж, 1997.

Аббасов А.М. Григорий Деревянко - учитель, поэт, фронтовик. Воронеж, 1999 г. 41 с.

«Слово война». - № 6. - Воронеж, 1999. – С. 37 – 38.

Григорий Деревянко // На пороге 21-го века. Российский Автобиблиографический ежегодник. - Т.1.- М., 2000 г. – С.192.

Добринский И. Ковром ворсистым стелется Земля // «Коммуна», 10 октября 2002.

«Отечество». Литературно-художественный альманах. К 60-летию великой Победы. Воронеж, 2004. –С .26.

«Наследие». - Ч. 2. Публицистика. - Воронеж, 2004. - С. 22.

Деревянко М. Я люблю этот город. Воронеж, 2005. – С. 30-39.